

Доклад о наименее развитых странах, 2015 год

Трансформация сельской экономики

Обзор

Доклад о наименее развитых странах, 2015 год

Трансформация сельской экономики

ОБЗОР

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2015 год

Примечание

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем издании не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района, или их властей, или относительно делимитации их границ.

«Доллары» («долл.») во всех случаях означают доллары США. Под «миллиардом» понимается тысяча миллионов.

Материалы, содержащиеся в настоящем издании, можно свободно цитировать или перепечатывать, однако при этом необходимо упоминать источник, а также делать ссылку на номер документа. Экземпляр издания, содержащего цитируемый или перепечатываемый материал, следует направить в секретариат ЮНКТАД.

Содержащийся в настоящем документе Обзор выпускается также в качестве части *Доклада о наименее развитых странах, 2015 год* (UNCTAD/LDC/2015, в продаже под номером E.15.II.D.7).

UNCTAD/LDC/2015 (Overview)

С настоящим Обзором на всех шести официальных языках Организации Объединенных Наций можно также ознакомиться в Интернете по адресу www.unctad.org/ldcr

Последние тенденции и перспективы в НРС

После 2012 года, когда под влиянием впечатляющих показателей стран – экспортеров топлива реальные темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) наименее развитых стран достигли рекордного для периода после финансового кризиса уровня 7,2%, процесс их экономического роста замедлился. Свой вклад в дальнейшее ухудшение их экономических показателей в 2014 году внесли менее благоприятные внешние условия (усугубившиеся последствиями вспышки Эболы в Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне). Средние темпы роста в группе НРС составили в 2014 году 5,5%, причем средние показатели роста были очень близки во всех географических подгруппах. Это ниже 6,1% – уровня 2013 года, значительно ниже 7,4% – среднего показателя 2002–2008 годов, но существенно выше 4,4% – темпов роста в остальных развивающихся странах (ОРС).

Совокупный дефицит НРС по счету текущих операций, выросший на 40% по сравнению с 2013 годом и на 87% по сравнению с 2012 годом, достиг в 2014 году рекордного значения – 49,4 млрд. долларов. Такой рост был связан в первую очередь с увеличением дефицита в африканских НРС и в Гаити. Дефицит товарной торговли в 2014 году практически утроился, достигнув 33,6 млрд. долл. в условиях увеличения импорта на 20 млрд. долл. и падения экспорта на 1,9 млрд. долларов.

В 2013 году валовые инвестиции в основной капитал (ВИОК) в НРС в целом увеличились до 26,3% ВВП. Это не только выше уровня 2012 года и среднего показателя 2002–2008 годов, но, и что еще важнее, немного выше 25-процентного порога, не достигнув которого, как считается, невозможно поддерживать долговременный рост. В то же время в островных НРС после некоторого снижения в 2012 году ВИОК восстановились не полностью и достигли лишь 20,3%, что намного ниже порогового уровня (хотя и значительно выше среднего показателя 2002–2008 годов). Норма сбережений оставалась стабильной

на уровне 19% ВВП, поскольку ее снижение в африканских НРС и Гаити компенсировалось повышением в азиатских и островных НРС. Расхождение этого показателя и нормы инвестиций указывает на дефицит ресурсов в размере 7,2% ВВП, т.е. на сохранение зависимости от внешних источников.

Дефицит внешнего финансирования покрывался за счет комбинированного использования официальных источников (главным образом по линии официальной помощи в целях развития (ОПР)) и частных средств (в основном за счет денежных переводов мигрантов и прямых иностранных инвестиций (ПИИ)). Потоки ОПР, на которые в 2013 году приходилось 93% всего притока капитала из официальных источников, увеличились в том же году на 2% до 44,2 млрд. долл., в то время как потоки двухсторонней ОПР, по оценкам, в 2014 году сократились в реальном выражении на 16%. Потоки денежных переводов выросли в 2014 году на 7,1% до 35,8 млрд. долл., причем рост отмечался во всех трех географических подгруппах. Потоки ПИИ увеличились на 4,1% до 23,2 млрд. долл.: ПИИ в африканские НРС и Гаити выросли на 1 млрд. долл., компенсировав половину падения, зарегистрированного в 2013 году, инвестиции в азиатские НРС незначительно снизились, а в островные НРС упали еще на 31% в общей сложности до менее 1/5 от уровня 2010 года.

Ожидается, что замедление роста в развивающихся странах продолжится и в 2015 году, отчасти под влиянием дальнейшего снижения цен на сырье, в то время как в развитых странах прогнозируется улучшение экономической динамики. На этом фоне на 2015 год в группе НРС в целом прогнозируется рост на уровне 5,2%; это будет означать дальнейшее постепенное замедление роста, наблюдающееся с 2012 года; тем не менее его темпы останутся выше прогнозируемых для развивающихся стран в целом (4,4%).

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и императивы развития села

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года свидетельствует об изменении парадигмы развития. На коллективной основе впервые удалось согласовать комплекс универсальных целей, достижение которых откроет путь к инклюзивному и устойчивому процессу глобального развития. Кроме того, можно говорить и о качественном изменении амбиций. Это означает новый, принципиально иной подход к развитию и политике в области развития, особенно для НРС.

Существующая система прав человека возлагает ответственность за «постепенную реализацию» экономических и социальных прав на нацио-нальные правительства, которые, как предполагается, должны действовать в рамках имеющихся у них возможностей, но и с учетом международного аспекта. Напротив, цели устойчивого развития (ЦУР) по сравнению с существующей системой имеют два коренных отличия. Они предполагают признание мировым сообществом в целом коллективной ответственности за осуществление экономических и социальных прав всеми жителями планеты без исключения. Кроме того, они предусматривают сроки реализации этих прав (2030 год). Эти два изменения являются взаимозависимыми: коллективная ответственность дает возможность преодолеть нехватку национальных ресурсов в определенных временных рамках.

Абсолютный характер ЦУР – искоренение проблем в развитии человеческого общества, а не просто их сглаживание – имеет важнейшие последствия. Во-первых, требуется колоссальный скачок в темпах развития: по недавним оценкам, «глобальный нижний порог потребления» (в принципе, потребление на душу населения беднейшими домохозяйствами в мире) в последние 20–30 лет не менялся, однако в следующие 15 лет он должен удвоиться, если мы хотим искоренить нищету. Во-вторых, необходимо полностью изменить акценты, сосредоточив внимание на самых нуждающихся районах. По сути ими являются наименее

развитые страны, поскольку именно здесь масштабы нищеты систематически являются наиболее значительными, а процесс их снижения идет наименее быстро и максимально тяжело. НРС, попросту говоря, являются тем полем битвы, где будет выигран или проигран бой за осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Поскольку большая часть населения НРС живет и трудится в сельской местности, главным двигателем борьбы с нищетой является развитие села, без которого в этих странах достижение ЦУР будет невысказано. При этом нельзя забывать и о городском развитии. Для устойчивого развития и искоренения нищеты, безусловно, требуется и то, и другое; и даже для аграрной экономики связи с городом имеют огромное значение. Многие сельские домашние хозяйства зависят от городских рынков или денежных переводов тех, кто мигрировал в города. Равным образом, для городской экономики важна миграция населения из сельских в городские районы, которая в лучшем случае дает ей рабочую силу для промышленного развития, а в худшем – когда такая миграция является следствием разрушения экономики села – ведет к подрыву устойчивости процесса урбанизации, росту масштабов нищеты в городах и усилению нагрузки на социальную инфраструктуру.

Однако у потенциала городских районов как катализатора роста существует свой предел. Этот предел связан с тем, насколько быстро города могут расти, оставаясь устойчивыми; пиковый уровень занятости в обрабатывающей промышленности (т.е. максимальный вклад обрабатывающего сектора в общую занятость в процессе структурной трансформации) уже пройден даже в самых успешных развивающихся странах. Кроме того, добывающие отрасли не создают большого числа рабочих мест. Национальная экономика как никогда сильно зависит от сбалансированного процесса развития как города, так и села, позволяющего одновременно повышать минимальные уровни доходов в городских и сельских районах, сближая их, а также от миграции населения из сельских в городские районы под влиянием выбора, а не необходимости.

Между сельскими районами НРС существуют колоссальные различия, главное из которых связано с близостью к городам (а также с размером, характером и доступностью ближайшего

города), от которой во многом зависят возможности и потенциал развития села. В отличие от пригородных районов, имеющих хороший доступ к городским рынкам, которые не закрыты и для жителей ближней провинции, для населения удаленных и изолированных районов, такой доступ более проблематичен, особенно в НРС, где транспортная инфраструктура развита слабо. По мере улучшения инфраструктуры – а без этого ЦУР не могут быть достигнуты – экономика удаленных сельских районов будет постепенно открываться для внешнего мира. Способность противостоять потрясениям и использовать возможности, которые будут сопутствовать такой открытости, станут залогом успешного развития села.

Для НРС развитие сельских районов имеет особое значение. Во-первых, в сельской местности проживает свыше 2/3 их населения, и лишь в шести НРС эта доля не достигает 50%. В сложившейся ситуации до 2030 года не ожидается коренных изменений: численность сельского населения будет расти гораздо быстрее, а доля жителей села – оставаться гораздо более высокой, чем в ОРС на протяжении 2015–2013 годов (период работы над ЦУР).

Во-вторых, для всех НРС важнейшее значение имеет сельское хозяйство, в котором занято 60% общей численности рабочей силы и создается 25% всей добавленной стоимости. Эта отрасль является и одним из основных источников экспортных поступлений (за исключением НРС, специализирующихся на экспорте топлива и продукции обрабатывающей промышленности, и отдельных НРС, в экспорте которых преобладают полезные ископаемые). 18% всего импорта приходится на закупки продовольствия. Дефицит НРС в торговле продовольственными товарами сильно вырос – с 2 млрд. долл. в 1995–1997 годах до 21,8 млрд. долл. в 2011–2013 годах, главным образом вследствие его увеличения в странах – экспортерах топлива и промышленной продукции.

В-третьих, сельские районы сильно отстают от городских по развитию человеческого потенциала. Доля населения, живущего ниже национальной черты бедности, в сельской местности, как правило, примерно вдвое выше, чем в городах, а разрыв между реальными доходами и уровнем бедности в среднем на 20% глубже. Задача искоренения

нищеты на селе приобретает дополнительную актуальность в свете ожидающегося быстрого роста численности сельской рабочей силы в большинстве НРС в течение следующих 15 лет. Сельское хозяйство призвано сыграть в этом особенно важную роль одновременно как главного двигателя борьбы с нищетой на национальном уровне, так и источника основных и неосновных продовольственных товаров.

По сравнению с городскими жителями среди сельского населения НРС вероятность отсутствия доступа к средствам санитарии и среднему школьному образованию в среднем выше на 50%, к электроэнергии или начальной школе – вдвое, а к чистой воде – в четыре с лишним раза. Для достижения ЦУР число сельских детей, посещающих начальную школу, должно увеличиться на 45%, а среднюю школу – в четыре раза. Кроме того, численность живущих в сельской местности людей, имеющих улучшенный доступ к воде, должна вырасти на 70%, к средствам санитарии – на 250%, а к электроэнергии – в 10 раз. Это потребует качественного скачка в финансировании инфраструктуры в сельских районах НРС: по сравнению с 2011–2012 годами доступ к воде должен расширяться быстрее в два с лишним раза, к электроэнергии – в четыре раза, а к средствам санитарии – в шесть раз.

Залогом искоренения нищеты в сельской местности должны стать структурные преобразования: хотя для облегчения положения небольшого числа оставшихся малоимущих домашних хозяйств необходимо будет задействовать социальные трансферты, сами масштабы нищеты в большинстве НРС и существующие логистические проблемы делают невозможным использование таких трансфертов в качестве главного инструмента борьбы с нищетой. Необходимо увеличить доходы от экономической деятельности, а для того, чтобы рост доходов был устойчивым, он должен сопровождаться повышением производительности труда. Это потребует как наращивания отраслевой производительности, так и перераспределения производственных ресурсов между отдельными секторами и видами деятельности – из тех, где производительность ниже, в те, где она выше.

Для придания процессу искоренения нищеты в НРС устойчивого характера требуется особая разновидность **структурных преобразований, направленных на борьбу с нищетой (СПБН)**. Такие преобразования должны одновременно:

- повышать общий уровень производительности труда, закладывая основу поступательного процесса развития;
- предоставлять всему трудоспособному населению возможности для занятия производительной экономической деятельностью;
- поднимать минимальный уровень производительности труда настолько, чтобы даже домашние хозяйства с наибольшим числом иждивенцев могли генерировать доход сверх черты бедности; и
- обеспечивать, чтобы такое повышение производительности труда в полной мере выливалось в рост доходов домашних хозяйств.

В идеале такие преобразования должны способствовать и достаточному расширению налоговой базы, с тем чтобы доходы государства позволяли покрывать регулярно возникающие социальные расходы, связанные с достижением ЦУР, а также расходы на выстраивание эффективного управления и проведение экономической и социальной политики. При этом беднейшие домашние хозяйства не должны опускаться за черту бедности под воздействием налогового бремени.

ЦУР знаменуют собой не только изменение целей стратегий развития, но и, если предположить, что они хотя бы частично подкрепляются соответствующими мерами на национальном и международном уровнях, серьезные сдвиги в том контексте, в котором эти стратегии будут осуществляться, особенно в сельской местности. Значительное увеличение инфраструктурных инвестиций в связи с ЦУР серьезно отразится на доступности как инфраструктуры, так и факторов производства, необходимых для производственной деятельности. Если эти инвестиции будут осваиваться в рамках трудоемких процессов строительства и эксплуатации и закупок местных материалов, необходимых для осуществления общественных проектов, можно также ожидать,

что они приведут к осязаемому росту спроса на рабочую силу и местные факторы производства (например, строительные материалы) и услуги. Ускорение процесса сокращения масштабов нищеты вызовет увеличение доходов малоимущих домашних хозяйств и, следовательно, более быстрый рост спроса с их стороны в первую очередь на основные продовольственные товары и продукты с более высокой добавленной стоимостью (овощи, растительные масла, фрукты, мясо и рыбу), а также на бытовые товары и услуги первой необходимости.

Для трансформации сельской экономики и, следовательно, для искоренения нищеты на устойчивой основе требуются такие стратегии развития, которые позволяли бы в полной мере использовать возможности, которые будут открываться в мире после 2015 года.

Ключом к успеху является получение эффекта и синергии от увязывания процессов модернизации сельского хозяйства и диверсификации аграрной экономики через развитие экономики села, не связанной с сельским хозяйством. Рост сельскохозяйственного производства порождает спрос на товары и услуги неаграрного сектора, а доходы, полученные благодаря развитию этого сектора, генерируют спрос на продовольственные товары в большем количестве и с более высокой добавленной стоимостью. В результате местная экономика испытывает на себе эффект мультипликатора (который обычно имеет порядок 1.6–1.8 в Азии и 1.3–1.5 в странах Африки, расположенных к югу от Сахары). Равным образом, растущие доходы в каждом секторе являются источником инвестиционных ресурсов, который в условиях недоступности или дороговизны заемных средств приобретает особое значение, а сельская рабочая сила, высвобождающаяся вследствие роста продуктивности сельского хозяйства, может открывать для себя новые возможности для получения дохода в неаграрной экономике. Расширение переработки сельскохозяйственной продукции, делающей ее более товарной, также может способствовать росту как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных доходов.

От процесса, диктуемого необходимостью – острой потребностью в поддержании минимального уровня потребления, – надо переходить к процессу, движимому стимулами – новыми привлекательными экономическими

возможностями, не связанными с сельским хозяйством. Под воздействием факторов необходимости растет число производителей в отраслях, доступ в которые сопряжен с минимальными барьерами (минимальные потребности в капитале, образованности и квалификации рабочей силы и т.д.) и для которых характерны также низкие доходы и низкий уровень производительности труда, а возникающий в результате избыток предложения ведет к еще большему падению доходов. Успешное развитие сельских районов помогает ослабить влияние факторов необходимости благодаря росту сельскохозяйственных доходов и одновременно с этим открывает новые возможности для получения дохода от несельскохозяйственной деятельности вследствие появления жизнеспособных неаграрных предприятий.

Продуктивность сельского хозяйства: динамика, предпосылки и последствия

Продуктивность сельского хозяйства является залогом не только благосостояния населения НРС, но и структурной трансформации их экономики, играя важнейшую роль в преобразовании сельской экономики и развитии и укреплении экономики села, не связанной с сельским хозяйством. Повышение продуктивности сельского хозяйства ведет к снижению цен на продовольствие и, следовательно, к росту реальной заработной платы как в сельских, так и в городских районах; не позволяет условиям торговли измениться в ущерб городским видам хозяйственной деятельности (потенциальное препятствие для структурных преобразований); и укрепляет продовольственную безопасность благодаря увеличению и стабилизации предложения продовольственных товаров.

В типичном процессе структурной трансформации повышение продуктивности сельского хозяйства ведет к высвобождению рабочей силы и капитала, которые могут найти применение в других, в принципе более продуктивных секторах, а также к появлению сельскохозяйственных излишков, за счет чего формируется внутренний спрос на промышленные товары

и услуги, стимулирующий рост их предложения. Результатом этого становится рост производительности в других секторах и ускорение процесса развития.

Производительность труда в сельском хозяйстве НРС гораздо ниже, чем в ОРС и в развитых странах и растет менее высокими темпами, что ведет к углублению международного разрыва в производительности труда. В расчете на одного занятого добавленная стоимость в сельском хозяйстве НРС с 1991 года росла в среднем на 2,2% в год по сравнению с 4,2% в ОРС и 3,9% в развитых странах. В 2011–2013 годах производительность труда в сельском хозяйстве НРС составляла 19% от уровня ОРС и 1,8% от производительности в развитых странах, что свидетельствует о гораздо более глубоком разрыве, чем в промышленности или в секторе услуг. С учетом высокой концентрации рабочей силы НРС в сельском хозяйстве столь глубокий разрыв в производительности является главной причиной различий в доходах между НРС и другими группами стран.

В африканских НРС и Гаити сельскохозяйственная производительность труда в 1980-х и 1990-х годах снижалась, а после 2000 года росла сравнительно низкими темпами (немногим более чем на 1% в год). В основном это является следствием сокращения и последующего замораживания расходов на сельскохозяйственные исследования и разработки (НИОКР), а также политики (курсовой и торговой), дискриминирующей сельское хозяйство. В азиатских НРС, напротив, рост производительности труда начался раньше, в 1990-х годах, а после 2000 года продолжался высокими темпами (3,5% в год), превышающими средние темпы роста во всех ОРС. Предпосылками для столь позитивной динамики стали увеличение инвестиций в НИОКР и более благоприятная политика. В последнее десятилетие по темпам роста производительности труда в сельском хозяйстве азиатские НРС опередили как африканские, так и островные наименее развитые страны.

В объеме производства в расчете на одного занятого можно выделить две составляющие: плодородие земель (урожайность) и трудоемкость в расчете на единицу возделываемых площадей.

В НРС урожайность росла быстрее производительности труда, значительно отставая при этом от урожайности в ОРС, где с 1980-х годов она демонстрировала очень высокую динамику: в результате в 2010–2012 годах урожайность в НРС составляла 38% от среднего уровня по ОРС. Среди НРС урожайность быстрее всего росла в Азии, где с 1980 года она удвоилась и сегодня на 17% превышает урожайность в ОРС. Достижения африканских НРС и Гаити выглядят гораздо скромнее, и в них нет такого единообразия. Урожайность в этих странах росла особенно вяло в 1990-е годы, однако в новом тысячелетии динамика несколько улучшилась.

Рост сельскохозяйственного производства в НРС с начала 1980-х годов отчасти был связан с увеличением обрабатываемых площадей, особенно в африканских НРС и Гаити и в островных НРС. В азиатских НРС, как и в ОРС Азии, возделываемые площади выросли не столь значительно. Самой низкой трудоемкостью сельского хозяйства является в азиатских НРС, однако быстрее всего она снижается в африканских НРС и Гаити.

Такая динамика отрицательно сказывается на благосостоянии населения и ограничивает темпы сокращения масштабов нищеты.

Рост совокупной производительности факторов производства в группе НРС в целом также исторически серьезно отставал от ее роста в других группах стран: после стагнации в период с 1960-х по 1980-е годы, в 1990-х годах начался ее рост, который после 2000 года несколько ускорился. С 2000 года среди всех основных групп стран наилучшую динамику демонстрируют азиатские НРС. В африканских НРС и Гаити, напротив, совокупная факторная производительность в сельском хозяйстве с 1960-х по 2000 год в основном стагнировала, а после этого росла темпами, отстающими от темпов в других группах стран. В островных НРС рост совокупной факторной производительности с 1960-х годов идет очень медленно.

Производительность труда и урожайность в сельском хозяйстве быстрее всего росли в странах, экспортирующих промышленную и смешанную продукцию. Это говорит о том, что более глубокая структурная трансформация и экономическая диверсификация, как правило, ассоциируются с существенным повышением продуктивности сельского хозяйства, что подтверждает связь

между прогрессом сельского хозяйства и общеэкономическим развитием. Иными словами, процессы развития в сельском хозяйстве и в других секторах оказывают друг на друга взаимное усиливающее влияние.

Главные факторы, стимулирующие (или сдерживающие) рост производительности в сельском хозяйстве НРС, связаны с количеством факторов производства; технологиями, человеческим капиталом и качеством факторов производства; государственными инвестициями и мерами политики; агроэкологическими условиями и изменением климата; а также с диверсификацией сельской экономики.

Количество факторов производства (земля, рабочая сила, материалы и физический капитал) особенно важно для стран на ранних этапах аграрного развития. Сельское хозяйство НРС, как правило, характеризуется очень высокой трудоемкостью; экстенсивной эксплуатацией земельных ресурсов; и очень ограниченным использованием других факторов производства в условиях низких доходов, недостаточного водоснабжения и нехватки иностранной валюты. Применение синтетических удобрений в НРС в расчете на гектар в среднем составляет лишь 10% от показателей ОРС и 15% от уровня развитых стран. Механизация и орошение также развиты слабо, за исключением азиатских НРС, где применение удобрений и сельскохозяйственной техники также получило более широкое распространение.

Технологии влияют на процесс адаптации растений и животных к местным агроэкологическим условиям, на качество факторов производства, выбор методов культивации и выкармливания и т.д., равно как и на урожайность различных культур. Хотя государственные инвестиции в сельскохозяйственные НИОКР обеспечивают высокую отдачу, они в целом не получили широкого распространения в НРС, где государственные расходы на эти цели являются ограниченными и нестабильными. Гораздо большее разнообразие систем ведения сельского хозяйства в африканских НРС по сравнению с азиатскими странами этой группы является еще одним фактором, затрудняющим увязывание НИОКР с конкретными агроэкологическими условиями.

Поскольку процесс распространения инноваций между производителями не является ни автоматическим, ни быстрым, важнейшим связующим звеном между генерированием инноваций в процессе НИОКР и их внедрением фермерскими хозяйствами являются *службы по распространению передового сельскохозяйственного опыта*. Нищета является еще одним препятствием для внедрения новых аграрных технологий, особенно в НРС.

Человеческий капитал играет важнейшую роль во внедрении технологий, поскольку от него зависит использование и комбинирование факторов производства сельскохозяйственными производителями. Образование помогает приобретать и усваивать информацию, а также изучать технологии, овладевать ими и применять их на практике.

Все более широкое признание получает тот факт, что в повышении продуктивности сельского хозяйства немаловажную роль играет *государственная политика*, которая оказывает влияние через расходы на НИОКР, консалтинговые услуги и образование, инвестиции в материальную и институциональную инфраструктуру и отраслевые меры. Государственные инвестиции в материальную и нематериальную инфраструктуру являются необходимой предпосылкой для привлечения в сельское хозяйство частных инвестиций. Серьезным препятствием для них могут являться ограничения на развитие финансовых рынков.

Нехватка инвестиций в мелиорацию, вызванная низкими доходами и недостаточной развитостью финансовых рынков, ведет в долгосрочном плане к снижению плодородия земель и к постепенному ухудшению их качества. *Изменение климата*, как ожидается, лишь ускорит этот процесс, который в период с 2000 по 2050 год, согласно прогнозам, приведет к 18-процентному снижению урожайности зерновых в странах с низким уровнем дохода. Следствием этого станет изменение общего объема сельскохозяйственного производства в НРС в диапазоне от +5% до -40%, последствия которого сильнее всего ощутят на себе не азиатские, а африканские НРС. Все это, по всей видимости, приведет к снижению производительности труда.

Диверсификация сельской экономики также является одним из основных двигателей и катализаторов повышения продуктивности и модернизации сельского хозяйства. Рост не связанных с аграрной деятельностью доходов становится дополнительным источником инвестиций в сельское хозяйство и в его техническое перевооружение, стимулируя рост спроса на сельскохозяйственную продукцию. При этом развитие неаграрной экономики ведет к увеличению предложения основных факторов производства и услуг для сельского хозяйства. Улучшение вертикальной координации является одним из важнейших условий обеспечения своевременного притока повышающих продуктивность факторов производства в сельское хозяйство и качественного сельхозсырья в агропромышленный комплекс.

Структурная трансформация сельской экономики в интересах искоренения нищеты на устойчивой основе

Хотя аграрное производство является главным источником доходов сельских домашних хозяйств, большинство из них занимаются самыми разными видами экономической деятельности. Домашние хозяйства могут иметь разную мотивацию. Более зажиточные домашние хозяйства зачастую становятся предпринимателями по собственному выбору, с тем чтобы использовать возможности для увеличения своих доходов. Менее обеспеченные домашние хозяйства, как правило, становятся предпринимателями по необходимости, и стремиться к получению дополнительных доходов их заставляет либо необходимость поддержания минимального уровня потребления, либо желание диверсифицировать источники своих доходов, чтобы защититься от высоких рисков, присущих сельскохозяйственной деятельности.

Спрос на рабочую силу в сельскохозяйственном секторе, как правило, имеет сезонный или случайный характер. При этом уровень оплаты труда в сельском хозяйстве невысок, что связано с избытком рабочей силы, вынужденной предлагать свои услуги. На селе доходы от неаграрной деятельности обычно превышают доходы от наемного сельскохозяйственного труда

и, вопреки бытующему мнению, денежные переводы мигрантов (за исключением ряда стран, таких как Лесото). С учетом таких ограничений для получения доходов из других источников вариант занятия несельскохозяйственной экономической деятельностью является одним из главных для домашних хозяйств, стремящихся диверсифицировать свои доходы. Заработная плата в неаграрном секторе может играть не менее важную роль, чем доходы от самозанятости в африканских и даже в некоторых азиатских НРС.

Принимая во внимание ограниченный потенциал натурального производства и наемного труда в сельском хозяйстве, главный способ покончить с нищетой видится в сочетании рыночного мелкого сельскохозяйственного производства, неаграрной экономической деятельности и миграции из сельских районов.

Поскольку удаленность от городов является одним из главных критериев, от которых зависит возможность занятия несельскохозяйственной деятельностью, такая деятельность, как правило, развивается вокруг городов. Возможностей для наемного труда и заработков в не связанных с сельским хозяйством отраслях больше у жителей городских пригородов, в то время как производители из более удаленных сельских районов не имеют преимуществ на городских рынках в силу необходимости конкурировать с пригородными поставщиками, на которых работают время и стоимость поставки и которые обычно имеют более широкий доступ к услугам и инфраструктуре.

Между потребностями и возможностями существуют глубокие противоречия, проявляющиеся как на общеэкономическом уровне, так и на уровне домашних хозяйств. Потребность в диверсификации экономики острее всего ощущается в самых обездоленных районах и среди наиболее обездоленных домашних хозяйств (поскольку они имеют наименьший доступ к сельскохозяйственным рынкам, располагают самыми низкими доходами и сталкиваются с наибольшими рисками); однако именно они имеют для этого наименьшие возможности и сталкиваются с наибольшими препятствиями в их реализации (в силу ограниченности финансовых и кадровых ресурсов, инфраструктуры, доступа к факторам производства и способности брать на себя риски). От устранения этого противоречия и предоставления тем, кто в наибольшей степени нуждается в

диверсификации экономики, возможностей решить эту задачу во многом будет зависеть успех структурной трансформации на селе и искоренения нищеты на долгосрочной основе.

В силу ограниченности данных о несельскохозяйственной деятельности в НРС (а также в ОРС) авторы настоящего доклада оперируют новыми оценками, в основе которых лежат «сырые» данные по девяти НРС, из которых пять расположены в Африке, а четыре в Азии. Эти оценки, подтверждая описанные выше общие тенденции, указывают в то же время на различия в процессах диверсификации сельской экономики и создания неаграрных сельских производств в НРС. Из этих девяти стран наибольших успехов в создании неаграрной экономики на селе добились Бангладеш и Непал (47–49% сельской занятости), а наименьших – Эфиопия и Объединенная Республика Танзания (11–12%). В то же время эти новые данные противоречат широко распространенному упрощенному подходу, делящему НРС на Африку и Азию: в остальных пяти странах, расположенных в обоих регионах (Малави, Руанда, Замбия, Мьянма и Йемен) значение неаграрной деятельности для доходов и занятости в сельских районах является примерно одинаковым (в неаграрной сельской экономике занято 20–28% сельской рабочей силы этих стран).

Более подробный анализ положения в Бангладеш, Малави и Непале указывает на различия в отраслевой структуре неаграрной деятельности, поскольку крупнейшими подсекторами для этих стран являются соответственно обрабатывающая промышленность, услуги и строительство. В то же время обрабатывающая промышленность и услуги играют важную роль во всех трех случаях, так как на эти сектора приходится от 22% до 42% общего дохода, генерируемого в неаграрной сельской экономике каждой из стран. Значительные различия между этими странами связаны и с местом женщин и молодежи в сельской экономике. Хотя занятые в не-сельскохозяйственных отраслях, как правило, имеют более высокий уровень образования, чем те, кто трудится в сельском хозяйстве, самое образованное население проживает в стране, где неаграрная экономика получила наименьшее развитие (Малави). Это свидетельствует о том, что для диверсификации сельской экономики одного образования недостаточно.

Подавляющее большинство НРС всех категорий по-прежнему находятся на первом этапе трансформации сельской экономики, и большая часть неаграрных видов деятельности на селе (нередко довольно равномерно распределенных между торговлей, обрабатывающим производством и прочими услугами) тесно связана с сельскохозяйственным производством, главным образом неформальным. Вместе с тем если пользоваться в качестве опосредованных индикаторов категориями аграрных и трансформирующихся стран, предложенными Всемирным банком в *Докладе о мировом развитии 2008 года*, то можно сделать вывод, что небольшая группа африканских и азиатских НРС – Ангола, Бангладеш, Сенегал и Уганда – вышли на второй этап трансформации сельского неаграрного сектора. На этом этапе происходит укрепление связей между селом и городом, а несельскохозяйственная деятельность становится более разнообразной и включает в себя также туризм, добычу полезных ископаемых и услуги, а в районах, где получило развитие коммерческое сельхозпроизводство, также и агробизнес. Мелкое трудоемкое производство в сельской местности зачастую соседствует со сравнительно капиталоемкими предприятиями в небольших городах, производящими аналогичную продукцию.

В районах с высоким сельскохозяйственным потенциалом и доступными рынками фермерские хозяйства располагают сравнительно большими возможностями для модернизации посредством перехода на выпуск продукции с большей добавленной стоимостью для внутреннего, регионального и более широкого экспортного рынка. Товарные стандарты и нетарифные барьеры могут создавать серьезные препятствия для экспорта: хотя вопросы управления качеством приобретают все более важное значение, НРС зачастую не имеют достаточных возможностей обеспечивать необходимое качество и контролировать его. В то же время низкий уровень внутрирегиональной торговли в африканских НРС свидетельствует о существовании конкретного потенциала для развития регионального экспорта.

Неаграрная экономическая деятельность может выступать двигателем модернизации сельского хозяйства, обеспечивая инвестиционные ресурсы и оказание производственных и сбытовых услуг в сельском хозяйстве, необходимых в первую очередь для перехода на более ценные культуры. Доходы от неаграрной экономической деятельности, как правило, служат

главным источником инвестиций на селе, особенно в африканских НРС, а иногда используются и вместо залогового обеспечения.

Такое направление неаграрной экономической деятельности на селе, как выпуск сельскохозяйственных средств производства, может влиять на выбор культур и технологий, расширяя доступ к факторам производства и адаптируя их к потребностям местных фермеров; другие виды деятельности, такие как переработка сельхозпродукции, могут открывать новые и/или более интересные каналы сбыта и повышать прибыльность производства, в том числе благодаря развитию подрядных отношений и производственной кооперации. Свой вклад в это вносит сектор транспортных и коммерческих услуг. Вместе с тем если неаграрная экономическая деятельность на селе может играть важную роль в модернизации сельского хозяйства, то ее недостаточное или неправильное развитие может сдерживать прогресс в сфере сельского хозяйства.

Хотя правительства и доноры уделяют повышенное внимание факторам предложения, от которых зависит развитие неаграрной экономики на селе, играющие не менее важную роль факторы спроса при этом нередко игнорируются. Главными источниками спроса на продукцию неаграрных секторов сельской экономики являются рынки близлежащих городов (для пригородных районов), местные сельские и экспортные рынки (главным образом для продукции агропромышленного сектора, а в некоторых районах и для услуг туризма). Важнейшую роль как в модернизации сельского хозяйства, так и в развитии неаграрной сельской экономики играет внутренний спрос. Серьезные стимулы в этом отношении могут поступить от таких двигателей роста, как городские рынки, рыночное сельское хозяйство, складская деятельность и транспортные коридоры, равно как и от «привнесенных» проектов разработки природных ресурсов, в том числе в горнодобывающей и лесной промышленности (хотя такие проекты нередко работают как анклав практически вне всякой связи с местной экономикой).

За географическими границами действия таких двигателей роста их функцию могут выполнять и переводы мигрантов, хотя их бенефициарами обычно является ограниченный круг домашних хозяйств, что снижает эффективность этого инструмента. В относительно закрытой местной экономической системе еще одним (хотя и менее мощным) двигателем может выступать местный спрос в масштабах сельской экономики, поскольку

дополнительный спрос на сельскохозяйственные товары и продукцию неаграрных отраслей в условиях роста доходов дает эффект мультипликатора, который в разных НРС, по оценкам, составляет от 1,3 до 2,0.

Ключ к успешной структурной трансформации сельской экономики кроется в том, чтобы дать сельским производителям возможность эффективно реагировать на изменения в спросе в процессе развития и роста доходов. Это потребует отказаться от акцента исключительно на повышении продуктивности сельского хозяйства и уделять больше внимания развитию неаграрных секторов сельской экономики и наращиванию производства сельскохозяйственных товаров с более высокой добавленной стоимостью.

Рост доходов ведет к непропорциональному увеличению расходов на непродовольственные товары и продовольственные товары, т.е. более глубокой переработки с более высокой добавленной стоимостью, что открывает возможность для модернизации сельского хозяйства и развития агропромышленного сектора. Свежий опыт НРС из южной и восточной частей Африки и Южной Азии свидетельствует о существовании высокого спроса на непродовольственные товары и переработанные продовольственные товары, не относящиеся к категории основных продуктов питания, а также существенного потенциала для расширения местного спроса, который может стать двигателем технического перевооружения сельского хозяйства и развития неаграрного сектора сельской экономики.

Плотность и качество инфраструктуры являются залогом получения доступа к рынкам готовой продукции и средств производства, а также снижения производственных и транзакционных издержек, т.е. залогом эффективного предложения. Плотность и качество инфраструктуры ассоциируются также с увеличением инвестиций в сельскохозяйственные и несельскохозяйственные виды деятельности и доходов неаграрного сектора сельской экономики, особенно в районах с более благоприятными агроклиматическими условиями. Речь идет как об институциональной инфраструктуре (рынки, коммуникационные сети, услуги образования и здравоохранения, финансовые и платежные системы и системы рыночной информации), так и о материальной инфраструктуре (системы электро- и водоснабжения, складские

объекты и дороги). Сельские районы большинства НРС, особенно за пределами пригородов, имеют крайне слаборазвитую инфраструктуру.

Важнейшим компонентом инвестиций в сельскую инфраструктуру являются инвестиции в электрификацию, которая может преобразить жизнь села. Некоторые из ключевых препятствий для электрификации сельской местности сегодня можно преодолеть благодаря технологиям использования возобновляемых источников энергии. Повышение доступности и качества образования в долгосрочной перспективе также может оказать серьезное благотворное воздействие на развитие неаграрной сельской экономики.

Ключевую роль играет и транспортная инфраструктура, и без улучшения транспортного сообщения нищету в сельской местности искоренить невозможно. Однако этот процесс не является линейным, и связанная с улучшением транспортного сообщения открытость имеет две стороны: с одной стороны, она подвергает местных производителей воздействию конкуренции со стороны городских и импортных товаров, с которой им тяжело справиться, а с другой, расширяет доступ к факторам производства и рынкам сбыта. В условиях после 2015 года главные вызовы будут заключаться в том, чтобы дать сельским производителям возможность эффективно конкурировать на все более открытом местном рынке; выявлять и успешно осваивать новые направления доходной деятельности; и использовать возможности экономии за счет увеличения масштабов производства и совершенствовать навыки маркетинга, необходимые для ведения конкурентной борьбы на других рынках.

Строительство сельской инфраструктуры может играть и очень важную второстепенную роль в развитии села, способствуя созданию новых рабочих мест в результате использования трудоемких методов строительства и эксплуатации объектов и возможностей для развития неаграрных секторов сельской экономики благодаря закупочной деятельности на местном уровне. Помимо потенциального снижения издержек это может вносить существенный (хотя и временный) вклад в увеличение спроса, недостаток которого сдерживает развитие неаграрных секторов сельской экономики.

Ключевое значение близости городов для развития сельских районов и их открытости перед более крупными рынками благодаря совершенствованию транспортной инфраструктуры свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к пригородным районам, ближней провинции и удаленным районам, слабо связанным с внешним миром, с учетом характера их сравнительных преимуществ. Сравнительные преимущества пригородных районов заключаются в первую очередь в удобстве обслуживания городских рынков, особенно рынков переработанных продовольственных товаров с более высокой добавленной стоимостью, а также оказания услуг, например рекреационных и транспортных.

В ближней провинции более важное значение зачастую имеют экспортные производства, которые открывают возможности для модернизации экономики и организации переработки, а также для увеличения стоимостного объема экспорта за счет товарной дифференциации (например, сертификации биологически чистой продукции). Наряду с производством биотоплива и выращиванием необходимого для этого сырья полезные возможности может открыть и диверсификация сельскохозяйственного производства за счет выращивания культур с более высокой добавленной стоимостью и их переработки в целях повышения товарной привлекательности сельскохозяйственной продукции для покупателей. К другим возможностям относятся коммерциализация товаров народного промысла, производство строительных материалов (особенно в контексте после 2015 года) и там, где позволяют местные условия, – добыча полезных ископаемых, развитие туризма, лесного хозяйства, рыбного промысла и т.д.

В удаленных районах, слабо связанных с внешним миром, где обычно преобладает натуральное хозяйство, предварительным условием проведения структурных преобразований становится увеличение производства культур, являющихся основными продуктами питания. Из-за слабой связи с другими рынками главным двигателем развития становится местный спрос, что свидетельствует о целесообразности сосредоточения усилий на постепенном наращивании производства продовольственных товаров с более высокой добавленной стоимостью, развитию животноводства и кустарной переработки. Хотя спрос на основные непродовольственные товары первой необходимости, которые обычно имеют относительно низкое качество и производятся в

небольшом количестве традиционными трудоемкими методами, со временем, по всей видимости, также будет расти, жизнеспособность такого производства отнюдь не бесконечна. Высокие транспортные расходы и перспективы существенного увеличения местного спроса в связи с планами инвестирования в инфраструктуру в период после 2015 года свидетельствуют о существовании потенциального рынка местных стройматериалов.

Гендерные препятствия для трансформации сельской экономики

На женщин приходится половина занятой в сельском хозяйстве НРС рабочей силы, и во всех трех географических подгруппах эта доля с течением времени постепенно растет. В то же время в деле реализации своего производительного потенциала сельские женщины НРС по-прежнему сталкиваются с многочисленными преградами. Ложащаяся на плечи женщин двойная нагрузка – трудовая и по заботе о семье – оставляет женщинам меньше свободного времени, чем мужчинам, а также ограничивает их мобильность и возможности для совершенствования своих навыков. Эта ситуация усугубляется ложащимся на женщин несоразмерным бременем неоплачиваемого сельскохозяйственного труда: хотя производство сельскохозяйственной продукции для собственного потребления традиционно считается «женским делом», а на продажу – «мужским», различия в первую очередь касаются распоряжения доходами, поскольку в производство товарных культур женщины, как правило, вносят не меньший трудовой вклад, чем мужчины. В то же время в распределении сельскохозяйственных функций и в животноводстве гендерные различия существуют: мужчины занимаются преимущественно выпасом крупного рогатого скота, а женщины – домашней птицей, мелким домашним скотом и молочными животными.

Существенные гендерные различия наблюдаются и в неаграрных видах деятельности, где женщины зачастую преобладают в мелкой и розничной торговле, а мужчины – в сфере перевозок и строительства. Кустарной сельхозпереработкой также традиционно занимаются женщины, которые преобладают и на

агропромышленных предприятиях, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью. В то же время даже в условиях работы по найму женщины чаще, чем мужчины, заняты неполный рабочий день, выполняют сезонную и/или низкооплачиваемую работу. Хотя новые формы организации труда и открывают перед сельскими женщинами новые возможности, они же порождают и новые проблемы.

В вопросах доступа к производственным ресурсам женщины сталкиваются с особыми препятствиями. В разных НРС они систематически становятся жертвами неравноправного доступа к земельным ресурсам. Это связано в первую очередь с социально-культурными традициями, закрепленными не в гражданском, а в обычном праве и практике, что серьезно осложняет воплощение правовых норм в реальные права. Сельских женщин, особенно глав домашних хозяйств, по сравнению с мужчинами обычно отличают также менее высокий уровень грамотности и гораздо меньшая продолжительность обучения.

Эти негативные моменты затрудняют для женщин возможность получения кредитов, когда доступ к заемным средствам вообще существует, поскольку они, как правило, не могут предложить землю в качестве обеспечения и не в состоянии выполнить формальности, сопровождающие подачу заявок на кредиты. Отчасти по этой причине они реже применяют такие факторы производства, как удобрения и улучшенный семенной фонд, и часто не могут воспользоваться программами субсидирования средств производства, поскольку эти программы разрабатываются без учета гендерной специфики. Даже когда женщины-фермеры используют приобретенные факторы производства, продуктивность их применения может быть менее высокой в силу существования гендерной дискриминации в сфере оказания агротехнических услуг. Возглавляющие домашние хозяйства женщины часто страдают от отсутствия мужской рабочей силы в семье и культурных предрассудков, не позволяющих им нанимать неродственников.

Эти факторы способствуют возникновению значительных различий в урожайности, уборочных площадях и потерях между сельскохозяйственными наделами, обрабатываемыми мужчинами и женщинами. Такие гендерные барьеры взаимно переплетаются и усугубляют другие недостатки рынков в сельских районах,

снижая производительность труда и предпринимательский потенциал женщин, сдерживая динамику развития сельской экономики и замедляя ее трансформацию. Без устранения этих барьеров реакция предложения на стимулы, призванные увеличить производство и реализацию излишков продукции, будет оставаться вялой, поскольку на них не сможет должным образом отреагировать половина рабочей силы. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), за счет предоставления женщинам такого же доступа к производственным ресурсам, как и мужчинам, можно повысить урожайность на их фермах в целом на 20–30%, а общий объем сельскохозяйственного производства – на 2,5–4%.

Вместе с тем существует важное различие между гендерным неравенством, напрямую вытекающим из гендерных норм, и неравенством, которое можно назвать косвенным и которое проявляется опосредованно как сочетание негативных последствий первого типа неравенства и последствий нищеты. Так, двойное бремя, связанное с выполнением производственных функций и функций, сопряженных с заботой о семье, дискриминационная практика в сфере землевладения и наследования прав на землю, неравный доступ к образованию и гендерная сегрегация на рынках труда вытекают непосредственно из социальных конструкций и норм, определяющих отношения между полами. Для эффективного искоренения этих негативных явлений требуются прямые целенаправленные меры по исправлению или компенсации структурных перекосов, приводящих к гендерному неравенству.

В то же время последствия этих негативных явлений, которые проявляются в низком уровне доходов, сбережений и материального достатка, ограниченности доступа к средствам производства, рынкам и/или кредитованию и т.д., испытывают на себе и многие мужчины, также не имеющие возможности в полной мере раскрыть свой производительный потенциал. С такими косвенными негативными последствиями лучше бороться на основе более инклюзивных и в то же время чувствительных к гендерной проблематике подходов, направленных на защиту интересов как женщин, так и столь же обездоленных мужчин. Оказание поддержки женщинам и произвольный отказ в ней оказавшимся

в таком же тяжелом положении мужчинам, особенно в контексте ярко выраженных патриархальных культурных традиций, может привести к их социальному отчуждению и в принципе подорвать более долгосрочные усилия по искоренению глубинных причин гендерного неравенства.

Меры внутренней политики, направленные на трансформацию сельской экономики

В принципе для искоренения нищеты требуются: 1) достойная работа для всех; 2) минимальный уровень оплаты труда, приносящий домашним хозяйствам доход, превышающий по крайней мере уровень черты бедности; и 3) сети социальной защиты. Вместе с тем эти критерии описывают скорее конечный результат, а не путь к нему. Для того чтобы борьба с нищетой была реальной и устойчивой, требуются направленные на искоренение нищеты структурные преобразования, обеспечивающие такой уровень производительности труда, который гарантировал бы трудовой доход на указанном уровне, а также исключительно временный и ограниченный характер любых возможных случаев его падения ниже черты бедности. Одной из важнейших составляющих этого процесса должна стать структурная трансформация сельской экономики, включающая в себя модернизацию сельского хозяйства и его диверсификацию за счет развития неаграрных видов деятельности.

Хотя потребности сельского хозяйства сильно различаются в зависимости от географии, существует и ряд общих ключевых требований.

- Оптимальный размер фермерских хозяйств. Вместо того чтобы поощрять мелкие или, наоборот, крупные сельскохозяйственные предприятия, меры политики должны разрабатываться исходя из оптимального для каждого географического региона размера земельных наделов с учетом агроэкологических и иных условий, возможных культур, а также экономических, социальных и экологических соображений.

- Более широкое использование отвечающих местным требованиям факторов производства для повышения продуктивности и урожайности при сохранении определенного уровня трудоемкости и повышении экологической устойчивости сельского хозяйства. Этого можно добиться благодаря агротехническим консалтинговым услугам и мерам, направленным на увеличение предложения местных факторов производства.
- Поощрение скорейшего внедрения инноваций и новых технологий, особенно женщинами и другими находящимися в невыгодных условиях производителями, в частности посредством субсидирования пакетов средств производства, адаптированных к потребностям разных агроэкологических и сельскохозяйственных систем, а также принятия мер для обеспечения производителей факторами производства вне зависимости от масштабов их деятельности.
- Расширение поддержки НИОКР и агротехнических исследований, в том числе посредством принятия мер к тому, чтобы такие НИОКР и агротехнические исследования проводились с учетом потребностей мелких фермерских хозяйств и хозяйств, возглавляемых женщинами, а также местных условий. Эти меры должны предусматривать учет гендерных факторов при оказании агротехнических консалтинговых услуг, налаживание двусторонней связи между производителями и проводящими НИОКР структурами через службы агротехнических консультаций, а также поиск и поддержку тех, кто готов оказывать консалтинговую помощь фермерам на местах.
- Дифференциация рынка через механизмы сертификации биологически чистой продукции, схем справедливой торговли и устойчивости в целях повышения стоимости сельскохозяйственного экспорта. Укрепление потенциала производителей и государственная поддержка программ сертификации способны помочь не допустить превращения таких программ в фактические нетарифные барьеры.

Модернизация сельского хозяйства может ослабить необходимость в диверсификации доходов «ради выживания». Наряду с поддержкой «добровольных предпринимателей»

(и расширением возможностей в результате электрификации села) это может способствовать формированию более динамичного неаграрного сектора. В отдаленных районах, слабо связанных с внешним миром, по всей видимости, следует пойти по пути создания микропредприятий, в то время как в городских пригородах увеличивать занятость можно за счет расширения уже действующих предприятий. Неаграрные производства являются особенно ценным источником производительной занятости в периоды низкого спроса на сельскохозяйственную рабочую силу.

Скорейшее увеличение производства продуктов питания, особенно в отдаленных районах, слабо связанных с внешним миром, является очевидным приоритетом, поскольку это даст мелким фермерам уверенность в будущей доступности продовольствия, без которой они вряд ли будут вкладывать средства в другие направления хозяйственной деятельности. Этому может помочь и создание местных запасов продовольствия. Агропереработка обеспечивает важную синергию между аграрными и неаграрными видами деятельности, поскольку модернизация и диверсификация сельского хозяйства открывают новые возможности, а переработка позволяет увеличить срок годности товаров и улучшить возможности для их реализации. Особую роль она играет в создании рабочих мест и коммерческих возможностей для женщин. При правильном стимулировании выращивание экспортных культур может создать предпосылки для увеличения доходов от сельского хозяйства и агропереработки за счет участия производителей в глобальной и региональной производственной кооперации.

Для искоренения причин ущемленного положения сельских женщин, особенно в отношении прав на землю и наследование, а также острого дефицита времени, требуются меры, конкретно учитывающие гендерную проблематику. Для того чтобы урегулировать проблему земельных прав и не допустить дальнейшей маргинализации женщин, необходимо чутко относиться к их чаяниям. Проблему неравноправного доступа женщин к финансированию, как правило, лучше всего решать путем придания основным программам и мерам политики в этой области общей гендерной окраски, хотя в конкретных условиях могут потребоваться меры, ориентированные на удовлетворение особых потребностей женщин.

Нереализованный потенциал взаимообогащающих процессов модернизации сельского хозяйства и диверсификации сельской экономики свидетельствует о потребности в создании механизмов стимулирования спроса и предложения, которые помогли бы запустить процесс трансформации экономики села. Если говорить о спросе, то потребность в существенном наращивании инфраструктурных инвестиций может способствовать появлению такого механизма, основанного на использовании трудоемких методов строительства и эксплуатации, а также на закупке местных материалов и других факторов производства. Электрификация села может дать аналогичный толчок на уровне предложения, который должен подкрепляться необходимыми стратегическими усилиями и мерами, направленными на облегчение доступа к финансированию и технологиям, а также на поддержку предпринимательства.

Последовательность осуществления инфраструктурных инвестиций и принятия необходимых мер имеет огромное значение. В настоящем докладе процесс структурной трансформации экономики села делится на три этапа. На первом этапе акцент делается главным образом на инвестициях и мерах, оказывающих действенное влияние на предложение (поощрение предпринимательства, подготовка кадров, финансирование и доступ к факторам производства), и это закладывает фундамент для второго этапа, на котором главное внимание уделяется формирующим спрос инвестициям в инфраструктуру, укреплению местных связей в рамках сельской экономики и наращиванию потенциала предложения. Суммарным итогом всех этих мер должно стать появление у местных производителей возможности получать экономию за счет увеличения масштабов своей хозяйственной деятельности и выдерживать конкурентное давление со стороны городских производителей на третьем этапе, на котором происходит совершенствование связей между селом и городом.

Хотя сформированный в результате модернизации сельского хозяйства и роста доходов сельского населения спрос и является важнейшим двигателем трансформации на селе, он должен подкрепляться эффективным предложением. Это требует принятия необходимых стратегических и других мер в сфере финансирования, людских ресурсов и поддержки предпринимательства.

Ограниченные возможности микрофинансирования в контексте трансформации сельской экономики и искоренения нищеты говорят о необходимости избирательного применения этого инструмента (он должен использоваться в первую очередь в отношении «добровольных предпринимателей» и малых и средних предприятий, и его не следует применять в некоммерческих областях), а также его разновидностей и альтернативных механизмов. Полезным механизмом может стать оговариваемое определенными требованиями субсидирование процентных выплат по микрокредитам (с установлением потолка процентных ставок для заемщиков), а также ежегодное предоставление микродотаций в натуральной форме – факторами производства (такие программы должны быть рассчитаны на продолжительный период времени). Эти механизмы могут потребоваться для повышения доступности финансирования, производственных технологий и соответствующих факторов производства в слабо связанных с внешним миром отдаленных районах.

Хотя расширение охвата школьным образованием детей несет в себе основные долгосрочные выгоды, получение образования взрослым населением является одной из предпосылок успешной трансформации сельской экономики в более краткосрочной перспективе. Уклон в сфере образования в сторону мужчин делает получение образования женщинами особенно важной задачей. Первостепенное внимание должно уделяться обучению грамоте и счету, профессиональным навыкам, финансовой грамотности и деловым навыкам. Финансовая грамотность и деловые навыки особенно важны тогда, когда производственные инвестиции финансируются за счет заемных средств, и там, где производство носит преимущественно натуральный характер. В то же время во многих случаях решающее значение имеют основы грамоты и счета. По мере движения вперед по пути преобразований уровень деловых навыков должен неуклонно повышаться.

Программы профессионально-технической подготовки должны строиться с учетом того, какие сектора являются приоритетными в тех или иных конкретных условиях, а обучение строительным специальностям (а также электриков и механиков) будет иметь первостепенное значение на начальном этапе трансформации на селе. Дополнительный вклад в развитие людских ресурсов могут сыграть инфраструктурные инвестиции, которые дают возможность нанимать на требующие квалификации должности

местную рабочую силу и совершенствовать навыки применения профессиональных знаний, полученных в ходе долговременной трудовой деятельности. Отдачу от программ профессионально-технической подготовки можно повысить, поощряя или обязуя участников этих программ брать стажеров. Полезным каналом перетока профессиональных знаний между городом и селом может стать внутренняя миграция.

Длительные сроки окупаемости инвестиций в сельском хозяйстве, в новых неаграрных сельских секторах и в районах, где доступ к факторам производства ограничен, делают информацию о предполагаемых изменениях в спросе важнейшим условием повышения эффективности предложения. Значение этого фактора трудно переоценить, поскольку в условиях неприятия риска, традиционно ассоциирующегося с нищетой, высокий уровень доверия становится одной из предпосылок переориентации усилий или ресурсов в новые сферы деятельности. В основу оценок изменения местного спроса по мере роста доходов в принципе могут лечь результаты обследований расходов домашних хозяйств; общедоступность такой информации (и информации о других потенциальных изменениях на рынке, например, под влиянием совершенствования транспортной инфраструктуры) может значительно повысить эффективность предложения и ведения бизнеса.

Там, где существует сотовая телефонная связь, она может стать незаменимым средством адресного обмена информацией, однако проблемы ограниченности охвата, доступности, грамотности и дороговизны означают, что важным инструментом более широкой связи остаются старые технологии, такие как радиосвязь.

Для трансформации сельской экономики требуется эффективная координация политики, однако ответственность за ее проведение обычно распределяется между многочисленными министерствами и ведомствами. Решению этой задачи серьезно помог бы эффективный межведомственный координационный механизм, возглавляемый главой правительства или другим государственным чиновником самого высокого уровня.

Важнейшее значение имеет также децентрализация, проведению которой нередко препятствует недостаток финансовых и кадровых ресурсов; при этом удаленные от рынков районы удалены и от государственных учреждений, что снижает эффективность проводимой политики и ограничивает возможности для принятия действенных мер на местном уровне. Важную роль в этом контексте могут играть кооперативы, ассоциации производителей и женские сети, облегчая, в частности, доступ к финансированию, факторам производства, оборудованию, новым технологиям, профессиональной подготовке, информации, рынкам и т.д., а также усиливая переговорные позиции мелких производителей и расширяя возможности для получения экономии за счет масштабов хозяйственной деятельности. Кроме того, они могут организовать участников процесса развития села. Вот почему упрощение порядка создания таких организаций и сетей, содействие их развитию и адресная работа через них (при соответствующей поддержке) могут внести весомый вклад в трансформацию села.

Международный аспект

Масштабная трансформация сельской экономики, достаточная для искоренения нищеты в НРС к 2030 году, является чрезвычайно амбициозной целью, для достижения которой потребуются изменения на международном уровне. В частности, с учетом тяжелого финансового положения в большинстве НРС потребуется существенно увеличить официальную помощь в целях развития (ОПР). В то же время, утверждая ЦУР, международное сообщество фактически обязалось сделать все необходимое для их достижения. Давний философский принцип гласит: «Думая о цели, не забывай о средствах».

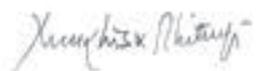
В контексте ЦУР существуют веские основания добиваться повышения целевого уровня ОПР с 0,15–0,20% валового национального дохода доноров до 0,35%, т.е. до половины от общего целевого уровня ОПР в размере 0,7%, который доноры обязались достичь в рамках ЦУР 17 («укреплять средства достижения устойчивого развития и активизировать работу механизма глобального партнерства в интересах

устойчивого развития»). Это будет соответствовать доле НРС в том дефиците развития человеческого потенциала, который предстоит восполнить благодаря ЦУР, а также тем темпам повышения доступности сельской инфраструктуры, которые необходимы для достижения этих целей. Это приведет к увеличению ОПР для НРС с 30 млрд. долл. в 2013 году примерно до 250 млрд. долл. к 2030 году, а также к существенному увеличению ОПР для ОРС при условии достижения согласованного целевого показателя в 0,7%. Выполнение взятого в рамках ЦУР обязательства в отношении качества помощи также имеет большое значение, особенно с точки зрения заинтересованности и пространства для маневра в политике стран-получателей. Это означает, что выдвигаемые в связи с ОПР условия должны сохранять за странами-получателями право гибко претворять в жизнь отвечающие национальным интересам стратегии и использовать возможности для накопления знаний и экспериментирования. При выделении дополнительной ОПР не менее важно отдавать приоритет производственным секторам, особенно в сельских районах. Главная цель ОПР должна заключаться в содействии развитию производственного потенциала НРС и их способности мобилизовывать внутренние ресурсы, постепенно снижая свою зависимость от ОПР.

Поскольку для НРС выгоды от дальнейшего многостороннего снижения тарифов съедает одновременная эрозия действующих преференций, выполнение обязательств по предоставлению беспоплатного неkwотируемого доступа на рынки и улучшение условий преференциальных соглашений (в первую очередь в отношении правил происхождения) являются первоочередными требованиями. Активизация региональных процессов в области развития также может стать инструментом укрепления региональной промышленной базы, особенно для НРС в Африке, где ограниченная на сегодняшний день внутрирегиональная торговля сельскохозяйственной продукцией имеет колоссальный нераскрытый потенциал.

Если выйти за рамки собственно торговой системы, то создание связанного с ЦУР бренда «устойчивое развитие», который опирался бы на существующие инициативы в области маркировки справедливой торговли и устойчивости, принесло бы большие выгоды с точки зрения маркетинга и дифференциации продукции.

Инновационные подходы к трансграничным инвестициям также могли бы лечь в основу финансирования трансформации и инфраструктуры на селе, например благодаря созданию инструментов и механизмов активного этического инвестирования для размещения прямых инвестиций диаспоры. Увязывание этих двух механизмов позволило бы получить синергию от их использования.

Д-р Мукиса Китуйи
Генеральный секретарь ЮНКТАД

